

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СТУДЕНЧЕСКОГО ОТДЕЛА СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ГЕОРГИЙ ШЕНКЕН: ИЗ ИСТОРИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЗАБАСТОВКИ 1908 Г.

Рассматривается ход студенческой забастовки в сентябре-октябре 1908 года, противниками которой выступили представители студенческого отдела Союза русского народа во главе с Г.Н. Шенкеном. Охарактеризованы позиции двух течений в студенческом движении – правого, патриотического, и левого, либерального, отношение к ним университетской администрации, профессоров.

Ключевые слова:

автономия университета, академисты, Санкт-Петербургский университет, студенческое движение, студенческая забастовка 1908 года, Союз русского народа, Шенкен Георгий.

Личность Георгия Шенкена сегодня мало кому известна, да и то только в связи с активной ролью университетских черносотенцев по срыву студенческой забастовки 1908 г. в Санкт-Петербургском университете. Собственно, она, эта забастовка, 20 сентября – 13 октября 1908 г. и выдвинула никому практически ранее неизвестного студента-историка на авансцену общественно-политической борьбы того времени.

Открытие студенческого отдела Союза русского народа в Санкт-Петербургском университете произошло 22 октября 1907 г., однако заявили о себе здесь студенты-«союзники» несколько раньше. Свидетельством тому статья Г.Н. Шенкена в «Русском знамени» за 20 сентября 1907 г. под характерным названием: «Императорский университет для революции». Здесь Г.Н. Шенкен спешит предостеречь ничего не подозревающих родителей, посылающих своих чад в Императорский Санкт-Петербургский университет для приобретения знаний о том, что на самом деле, благодаря попустительству официальных властей, они там «не учиться будут, а помогать революции, не просвещаться, а развращаться; не полезными слугами отечеству будут, а его врагами, не честными людьми выйдут, а хамами» [27].

Но вернемся к организационному собранию студенческого отдела Союза русского народа 22 октября 1907 г. Помимо самих студентов среди присутствующих были замечены такие известные черносотенцы как Ю.П. Бартенев, А.А. Башмаков, О.О. Юзефович и член Главного совета Союза русского народа граф Э.И. Коновни-

цын. Выступивший перед собравшимися уже в качестве председателя отдела Союза русского народа Георгий Шенкен следующим образом очертил круг задач новой студенческой организации – «будить в наших товарищах русское патриотическое чувство, нагло попираемое врагами русской государственности», не забывая в то же время и своих прямых задач – занятие наукой. «Мы, подчеркнул он, будем отстаивать университет для науки». В заключении собрание приняло решение о верно-поданнической телеграмме студенческого отдела на имя Государя Императора Николая II, на которой тот изволил собственноручно начертать: «искренне тронут и благодарен» [22, с. 20].

26 октября 1907 г. делегация студенческого отдела Союза русского народа была принята ректором Санкт-Петербургского университета И.И. Боргманом, которому были вручены Устав Союза русского народа и телеграмма, присланная на имя А.И. Дубровина от имени Николая II. «Университет, – заявил в беседе с ректором Г.Н. Шенкен, – есть храм науки, и студенческий отдел Союза русского народа будет высоко держать знамя науки и отстаивать его от посягательства революционных политических партий. А также студенческий отдел, признавая, что университет есть русская национальная высшая школа, а не одна из баз революции, в каковую превращен стараниями политических партий социалистов-революционеров, социал-демократов, кадетов, евреев и прочих инородцев, считает своим долгом высоко, так же как и знамя науки, нести знамя национальное, на котором начертаны свя-

ценные заветы предков: «Православная вера, неограниченный самодержавный царь и русская народность и защищать их до последней капли крови в стенах Императорского университета от наглого попираательства врагами русской государственности» [10].

Нечего и говорить, с каким удовлетворением была встречена новость об образовании студенческого отдела Союза русского народа в правых кругах. «Черносотенные друзья, любящие свою родину и свой народ, – обращается к ним через газету «Русское знамя» некто С. Россов, – ... я был искренне обрадован проявлением молодой студенческой души настоящих русских чувств, благородства, мужества, стойкости и братства <....>. Верьте крепко, что вы в силах сделать великое дело поворота коллег на светлый правильный путь» [25].

Совсем по другому отнеслись к появлению студенческого отдела Союза русского народа либералы. С первых шагов студенческого отдела СРН он был обвинен либеральной прессой едва ли не во всех мыслимых и немислимых грехах: шпионстве, сыске, добровольном доносительстве и даже в стремлении обеспечить таким способом свою будущую карьеру [1]. Еще одним обвинением со стороны либералов было указание на «союзников», как на противников популярной в то время идеи полной автономии университета. «Принципиально, конечно, – отвечал на это в «Русском знамени» студент-«союзник» С., – автономный университет лучше неавтономного. Но ведь, что хорошо в теории, то в действительности иногда бывает очень дурно». Во всяком случае, по его мнению, из храма науки в очаг революции Санкт-Петербургский университет превратился именно после того, как стал автономным [29].

«Нам нужен не автономный политиканствующий университет, нам нужна автономия науки в духе русской национальности», – заявляли правые [14] и выражали надежду, что «русское студенчество при дружной поддержке общества и власти поймет, что школа – для науки, школа – для воспитания патриотов и ученых, подобных Д.И. Менделееву, а для драк и делания бомб нужно поискать другие места» [28].

Собрания студенческого отдела проводились в это время обычно в помещении Московско-Спасского отдела Союза Русского народа по адресу: Садовая улица,

*Студент Санкт-Петербургского университета
Георгий Николаевич Шенкен, 1905 г. [32].*

д. 4, кв. 41. Сам Г.Н. Шенкен проживал на 8-й Рождественской улице, дом 15, кв. 18.

Дальнейшая деятельность Г.Н. Шенкена как председателя возглавляемого им студенческого отдела СРН протекала в условиях жесткого противостояния революционно настроенного студенчества и либеральной профессуры университета с новым (назначен 1 января 1908 г.) министром народного просвещения А.Н. Шварцем, безуспешно пытавшимся посредством циркуляров и распоряжений навести порядок в университетах. Речь идет о его борьбе с такими хотя формально и незаконными, но прочно вошедшими за годы революции 1905–1906 гг. в практику повседневной жизни университета явлениями, как: появление здесь женцинвольнослушательниц, фактическая отмена трехпроцентной нормы для студентов-евреев и беспрепятственное функционирование в университетских стенах органа студенческого представительства – Совета старост, снискавшего себе славу организатора разного рода антиправительственных сходок, митингов и демонстраций. Несмотря на благие, казалось бы, намерения, все попытки А.Н. Шварца навести по-

рядок в подведомственных ему заведениях наткнулись на жесткое сопротивление университетских властей и радикально настроенного студенчества, расценивших эти меры как наступление на завоеванную ими в соответствии с царским указом 26 августа 1905 г. автономию.

Недовольство политикой А.Н. Шварца было характерно практически для всех высших учебных заведений страны, но острее всего оно проявлялось в Санкт-Петербургском университете. Дело дошло здесь до того, что 3 сентября 1908 г. Совет профессоров Санкт-Петербургского университета заявил о сложении с себя всякой «ответственности за неправильный ход учебной жизни» [23, с. 160], а ректор и проректор объявили о своей отставке. Сходка, созванная 13 сентября по инициативе Коалиционного комитета (он сменил распущенный по требованию министерства Совет старост) не только поддержала Совет профессоров в его противостоянии с А.Н. Шварцем, но и объявила о студенческой забастовке, призвав другие вузы империи присоединиться. Забастовка началась 20 сентября 1908 г.

Из университета забастовка быстро перекинулась не только на другие вузы Санкт-Петербурга (всего здесь бастовало около 22,7 тыс. человек, т.е. около двух третей студентов) [4, с. 143], но и на другие вузы страны, приобретая тем самым всероссийский характер, что собственно и являлось целью ее организаторов. Возглавляла забастовку в университете, как уже отмечалось, Коалиционный комитет, состоявший в основном из социалистов-революционеров, социал-демократов и конституционных демократов (кадетов). Координация деятельности забастовщиков осуществлялась общегородским Коалиционным комитетом.

Конечно же, переломить общее настроение наиболее активной части студенчества Г.Н. Шенкен и его коллеги из-за своей малочисленности (до 60 человек) не могли. Понимая это, они сосредоточили свои усилия на том, чтобы как можно громче заявить, что среди студентов есть категорические противники забастовки. 20 сентября 1908 г. Г.Н. Шенкен от имени студенческого отдела Союза русского народа подал заявление в Совет профессоров с решительным протестом против забастовки и требованием обеспечить беспорочное посещение занятий [23, с. 184]. Как видим, несмотря на ярко выраженную идеологи-

зированность студенческого Отдела СРН, реалии университетской действительности побуждали Г.Н. Шенкена и его коллег «сбавить обороты» и от патетических национальных деклараций перейти к другим проблемам. «В настоящее время, – вынужден был заявить в связи с этим Г.Н. Шенкен, – деятельность СРН в университете носит академический характер» [33].

Слова Г.Н. Шенкена были вполне созвучны общему настрою публикаций на университетскую тему ведущих правонархических органов печати того времени. «Я приехал в Университет, – отмечал студент С. – с единственной целью или желанием в сердце – учиться. Моя мать может мне прислать в месяц 12 рублей, с трудом откуда-то их собирая. Я не знаю ничего о политике, и не хочу ее знать. <...> Я должен учиться, а между тем двери высшей школы закрыты предо мной, и я вижу, что они закрыты малодушными профессорами, которых испугала горсть не желающих работать» [30]. «Школа для науки – вот руководящий принцип, провозглашаемый академическими студенческими союзами. Этот принцип должен быть аксиомой, но русское общество до того одурманено, ... что этот основной принцип всякой школы нужно доказывать и учащимся приходится отстаивать его, подвергаясь моральным и физическим испытаниям», – с сожалением отмечает это же издание в другой статье [16].

Тем временем, убедившись, что одному ему, даже при поддержке правых, с взбунтовавшейся профессурой и демократически настроенным студенчеством не совладать, А.Н. Шварц вынес вопрос на заседание Совета Министров. Состоялось оно 24 сентября 1908 года под председательством П.А. Столыпина. Совет министров не только подтвердил правомерность циркуляра министра, но и возложил ответственность за положение дел на самих профессоров, которые «хотя убеждали студентов не прекращать занятия, но одновременно тем или другим способом доводили до сведения студентов, что борьбу за автономию они берут на себя, каковое заявление не могло, конечно, не действовать на студентов возбуждающим образом» [26]. Но, конечно же, главным итогом обсуждения вопроса на Совете министров стало решение о немедленном возобновлении занятий во всех высших учебных заведениях страны [20].

25 сентября 1908 г. в 8 часов вечера под председательством и.о. ректора В.М. Шим-

кевича состоялось экстренное заседание Совета профессоров Санкт-Петербургского Университета и было принято решение объявить студентам о возобновлении занятий с субботы 27 сентября 1908 г. [31] Однако ни 27, ни 29 сентября из-за противодействия забастовщиков ни одна лекция в университете прочитана так и не была. Явившиеся в положенные часы профессора и приват-доценты вынуждены были спешно ретироваться.

Пытаясь переломить ситуацию, Г.Н. Шенкен и его коллеги явились 29 сентября в количестве около 60 человек к 10 часам утра на лекцию проректора Ф.А. Брауна с намерением помешать ее срыву со стороны забастовщиков. Пикантность сложившейся ситуации была в том, что все отлично понимали: хотя проректор-кадет и считает забастовку несвоевременной, его симпатии всецело на стороне студентов-забастовщиков, лекцию вопреки их воле он читать не будет и в аудиторию (речь идет о четвертой аудитории нынешнего Главного здания) явился чисто формально, чтобы не быть уволенным и получить в положенное время причитающееся жалование. Другими словами, на лекцию проф. Ф.А. Браун явился не по долгу совести, а по долгу службы, и покинет аудиторию по первому требованию членов Коалиционного комитета. Не дать ему осуществить задуманный маневр и под флагом защиты профессора показать истинное его лицо – такова была задумка студентов-«союзников».

30 сентября 1908 г. противодействие забастовщикам было оказано только на факультете восточных языков, да и то только потому, что охрану лекторов – приват-доцентов П.С. Попова, А.И. Иванова и преподавателя китайского языка Чена взяли на себя студенты-«союзники». Впрочем, замешкавшийся после окончания утренней лекции П.С. Попов был все же заблокирован студентами-забастовщиками и отпущен на свободу только после длительных и оскорбительных переговоров, покинул университет под свист и улюлюканье толпы [2].

2 октября, как и в предыдущий день, на большинстве факультетов, за исключением факультета восточных языков, никаких лекций прочитано не было. Что касается восточного факультета, то, как и 1 октября, занятия здесь смогли состояться лишь благодаря поддержке, оказанной лекторам «союзниками» во главе Г. Шенкеном. Лекторы были, впрочем, те же, то есть Попов,

Иванов и Чен. Расположившись большой группой на лестнице 2-го этажа, прямо у входа в помещения факультета восточных языков, «союзники» блокировали попытки забастовщиков проникнуть в аудиторию и сорвать лекции. Что касается забастовщиков, то, убедившись в безуспешности своих попыток проникнуть на факультет, они, в конце концов, отказались от этого намерения, расположившись на той же самой лестнице, что и «союзники», этажом ниже, заблокировав, таким образом, всякую возможность не только выйти, но и войти в помещения факультета. Как и следовало ожидать, закончилось все скандалом – явившийся на факультет профессор П.К. Коковцов не был пропущен студентами с площадки 2-го этажа на лестницу и с негодованием вынужден был удалиться. В 12 часов – новый инцидент, когда снявшие блокаду с верхней площадки студенты-«союзники» не были пропущены их противниками, собравшимися на площадке этажом ниже. Начались взаимные оскорбления и пререкания. К счастью, до драки дело не дошло, и срочно прибывшие члены Коалиционного комитета и проректор Ф.А. Браун уладили назревавший конфликт [9]. Союзники, однако, не успокоились, и, явившись в кабинет Ф.А. Брауна, продолжали настаивать на своем праве посещения лекций. Однако, проректор, попросил их подчиниться требованиям Коалиционного комитета. Попутно зашла речь и о предстоящей сходке, и «союзники» предложили проректору устроить референдум по вопросу о забастовке. На это Ф.А. Браун ответил, что референдум возможен лишь тогда, когда атмосфера совершенно чиста, а до этого еще далеко. В настоящее время, заявил он, лучших результатов следует ожидать именно от сходки. «А что будет, если сходка постановит продолжать забастовку? – поинтересовались «союзники». – Это будет несчастьем», – ответил проректор [5].

Сходка началась в 15 часов в актовом зале Университета. Здесь собралось около 3 тысяч студентов, еще около тысячи толпилось в коридоре [23, с. 234]. Явились сюда и студенты-«академики» вместе с членами студенческого отдела. Учитывая свою малочисленность (около 100 чел.), они расположились в дальнем углу правой стороны зала, около окон, выходящих на улицу. Началась сходка с информации Коалиционного совета о произошедшем накануне расколе среди его членов по вопросу о целесообразности продолжения

забастовки. Было сказано, что противники забастовки находятся в Коалиционном комитете в меньшинстве, и, в целом, он твердо стоит за ее продолжение. После этой информации, слово попросил лидер «союзников» Георгий Шенкен. При полном молчании зала он громким голосом от имени студенческой фракции СРН, потребовал обсудить вопрос о борьбе с забастовкой, превращающей университет в рассадник крамолы. Предложение Г.Н. Шенкена было поставлено на голосование, но отвергнуто. Г.Н. Шенкен заявил, что возглавляемый им студенческий отдел СРН сделает все, чтобы не допустить продолжения забастовки. «Мы здесь примем меры, все меры, чтобы не дать возможность сходке принять резолюцию о продолжении забастовки. В чем будут заключаться меры – не считаю нужным говорить – увидите сами». После этих слов при криках из зала «Долой! Вон!» Шенкен был лишен слова.

Тем временем слово получил студент Подшибякин. Однако закончить свое выступление он не успел, так как по сигналу Г.Н. Шенкена «союзники» достали из карманов большие свистки и стали громко свистеть. Один из студентов «союзников» неожиданно достал принесенную с собой железную кочергу, и с силой стал бить ею по оконному стеклу. В зале поднялся невероятный шум. Расположившиеся рядом «южане» – студенты-грузины из Тифлисского землячества, которым, судя по всему, было поручено «пасти» черносотенцев, немедленно вступили в драку с ними, и злосчастная кочерга стала переходить из рук в руки. В ход пошла и некая «палка с резиновым набалдашником» (судя по всему, костыль хромого Г.Н. Шенкена); были пущены в ход кулаки [19]. Прижатые к стене численно превосходившей их толпой, «союзники» в поисках выхода стали выламывать запертую дверь актового зала, защищаясь от сыпавшихся на них ударов. Наконец им это удалось: дверь поддалась, и они устремились вон. Одни ринулись вниз по лестнице, ища спасения на улице. Другие рассыпались по знаменитому коридору. На этом сходка, так и не приняв решения о забастовке, завершилась [11].

Проректор Ф.А. Браун всю вину за случившееся возложил на «союзников». По его словам, ему еще до сходки стало известно, что они решили сорвать ее, и разбитое ими окно было заранее спланированной провокацией [21]. На Совете профессоров были заслушаны заявления Комитета сту-

денческой фракции «Союза 17 октября» и «Группы беспартийных студентов», которые просили университета не закрывать и чтение лекций продолжать, так как только открытый университет даст возможность сорганизоваться противникам забастовки [23, с. 241–242]. Однако, на позицию Совета эти заявления не повлияли, и большинством в один голос он принял решение о приостановлении занятий до 9 октября [21]. 3 октября и.о. ректора В.М. Шимкевич имел аудиенцию у самого П.А. Столыпина. Беседа между ними носила напряженный характер. Председатель Совета министров ясно дал понять, что правительство не потерпит дальнейшего бездействия университетского начальства, и готово даже на такой экстраординарный шаг, как ввод в Университет полиции [18]. П.А. Столыпин не исключил и возможность некоторых уступок в вопросе о студенческих организациях, в предоставлении возможности продолжить свое обучение уже зачисленным в Университет вольнослушательницам [23, с. 245–247]. В сложившейся ситуации Совету профессоров не оставалось ничего другого, как объявить о возобновлении занятий с 6 октября и призвать студентов к немедленному прекращению забастовки [8].

Однако никаких занятий в Университете 6 октября не было. Зато утром стало известно, что 7 октября в Актовом зале состоится новая общеуниверситетская сходка, разрешенная проректором Ф.А. Брауном. В обращении Совета профессоров к студентам последние призывались к безотлагательному возобновлению занятий и выражалось традиционное для либеральной профессуры опасение, что продолжение забастовки угрожает сохранению уже достигнутых начал университетской автономии [17]. Если раньше профессура, осуждая забастовку на словах, фактически потворствовала ей, то теперь, когда стало ясно, что забастовка подходит к концу, явно не желая остаться на обочине общественной политической борьбы, профессура тут же включилась в борьбу с ней, пугая студентов разгромом университета «сверху». «Полиция и войска, – говорил студентам проректор Ф.А. Браун, – займут Университет, последуют массовые аресты, высылки; вы будете собирать многочисленные явочные сходки протеста, участники которых подвергнутся той же участи, и разгром Университета будет, таким образом, неминуем» [6]. На сходке 7 октября призывы к немедленному прекращению забастовки были услышаны, и

1345 голосами «за» при 1198 «против» и 94 «воздержавшихся» было принято решение о возобновлении занятий с 13 октября 1908 г. [7].

Глубокое удовлетворение «союзников» провалом забастовки было омрачено, однако, организованным по горячим следам профессорским дисциплинарным судом над ними в связи с событиями, имевшими место на университетском сходке 2 октября, его результатом могло быть исключение из университета [3, с. 3]. И хотя формально перед судом должны были предстать все участники той злополучной драки, было понятно, что на самом деле судить собираются именно Г.Н. Шенкена и его коллег. В частности, Г.Н. Шенкен обвинялся в том, что именно он разбил 2 октября окно в Актовом зале. Опросив ряд свидетелей, суд установил, что это был все же не Шенкен, а кто-то другой, но установлением личности виновного никто заниматься не стал. В итоге, хотя факт драки имел место, но определить «индивидуальных виновников столкновения» суд так и не сумел, ограничившись постановлением не привлекать по этому делу «к суду никого из учащих» в Императорском Санкт-Петербургском Университете» [3, с. 32].

Практически не сходящая со страниц газет в конце 1907–1908 гг. фамилия Шенкена в последующие годы, как-то в одночасье сходит на нет, хотя спокойным это время в истории Университета не назовешь. Достаточно назвать в этой связи хотя бы студенческие волнения в ноябре 1910 г. в связи со смертью Л.Н. Толстого и буквально потрясшую университет забастовку, объявленную на сходке 26 января 1911 г. – забастовку, вынудившую правительство пойти на такую экстраординарную меру, как ввод 31 января 1911 г. полиции в здание «автономного» университета и массовые (409 человек) аресты среди студентов [34].

Дело тут однако не столько в самом Шенкене, сколько в тех трудностях, которые пережил в это время Союз русского народа во главе с А.И. Дубровиным, единичное лидерство которого все больше и больше стало подвергаться сомнению и критике со стороны его более молодых и энергичных коллег в лице Н.Е. Маркова и В.М. Пуришкевича. Единый ранее Союз русского народа раскололся на три союза: один во главе А.И. Дубровиным (это так называемый Дубровинский союз русского народа), второй во главе с Н.Е. Марковым

(это так называемый Марковский Союз русского народа) и третий – Русский народный союз Михаила Архангела во главе с В.М. Пуришкевичем. Ввиду особого интереса последнего к проблемам высшей школы создание им в Университете своей молодежной структуры было, можно сказать, предопределено. Русская Академическая корпорация студентов Императорского Санкт-Петербургского университета» учреждена была 4 октября 1908 г. и входила в Общегородской Академический союз [15], основательно потеснив на поле так называемой академической борьбы в С.-Петербургском университете Союз русских студентов во главе с Г.Н. Шенкеном.

Тем не менее и Г.Н. Шенкен, видимо, продолжал все же играть некоторую роль в правовом монархическом студенческом движении в университете. Во всяком случае, когда высказавшиеся против очередной студенческой забастовки и исключенные за это из кадетской фракции студенты Шацкий и Лехтенберг попытались выпустить листовку против забастовки, они обратились за содействием именно к Г.Н. Шенкено [13]. Не утратил Г.Н. Шенкен и присущего ему боевого задора в борьбе с революционным студенчеством. Так, когда 22 января 1911 г. в университете были вывешены два красных флага (один в вестибюле, а другой на втором этаже, прямо напротив актового зала с надписями на них «Долой самодержавие!» и «Да здравствует Учредительное собрание!») то, несмотря на распоряжение начальства, ни смотритель, ни вахтер, ни сторожа так и не решились снять их, опасаясь расправы со стороны левых студентов. Спас положение, или, правильнее, лицо университета, проходивший мимо неказистый и хромой Г.Н. Шенкен. Недолго думая он, несмотря на угрозы, взял да и сбил один из флагов своим знаменитым костылем. На него, передает подробности газета, тут же набросились «товарищи», но на физические меры воздействия все же не решились, ограничившись в отместку оскорблениями и разгромом стеклянной витрины Союза русского народа в университетском коридоре [12]. Что касается сброшенного Г.Н. Шенкеном флага, то его тут же водрузили на прежнее место. Назревавший скандал был погашен проректором университета И.Д. Андреевым, который в сопровождении профессора Ф.А. Брауна, с помощью служителя лично снял злополучные флаги [24, с. 16].

1 октября 1912 г. Г.Н. Шенкен просил ректора о продлении ему срока пребывания в Университете вследствие своего болезненного состояния. Просьба его была удовлетворена [32, л. 18]. Освобожден был Г.Н. Шенкен как малоимущий (к этому времени его отец умер, и на попечении была престарелая мать) и от платы

за обучение в Университете. Окончить его Г.Н. Шенкену удалось только 17 августа 1915 г., причем с разрешения министра народного просвещения выпускное свидетельство было выдано без представления им необходимого в таких случаях зачетного сочинения [32, л. 1]. Дальнейшая судьба Г.Н. Шенкена неизвестна.

Список литературы:

1. А.Н. Студенческий надзор за профессорами // Речь. – 17 января 1908 г. – С. 3.
2. Безобразия в университете // Русское знамя. – 7 октября 1908 г. – С. 3.
3. Беседа с профессором И.И. Боргманом // Речь. – 3 ноября 1908 г.
4. Борisenko М.В. Студенческое движение в Санкт-Петербургском университете 1907–1914 гг. Канд. дис. – Л., 1984.
5. В Университете // Вечер. – 2 октября 1908 г. – С. 2.
6. В Университете // Новая Русь. – 7(20) октября 1908 г. – С. 4.
7. В Университете // Новая Русь. – 8(21) октября 1908 г. – С. 4.
8. В Университете // Петербургская газета. – 5 октября 1908 г. – С. 2.
9. В Университете. Недопущение лекции // Речь. – 3(16) октября 1908 г. – С. 3.
10. Деятельность Союза русского народа // Русское знамя. – 4 ноября 1907 г. – С. 1.
11. Драка на сходке // Вечер. – 3 октября 1908 г. – С. 3.
12. Из мрака студенческой жизни. Подготовка к бунту // Русское знамя. – 27 января 1911 г. – С. 2.
13. Из мрака студенческой жизни. Разгром университетской забастовочной банды // Русское знамя. – 2 февраля 1911 г. – С. 3.
14. Казаков А. Да здравствует русский национальный университет! // Русское знамя. – 16 сентября 1908 г. – С. 2.
15. Кушнырь-Кушнарeв Г.И. Исторический очерк возникновения и развития академической организации в России. – СПб., 1914. – С. 10.
16. Молодая Россия // Колокол. – 11 октября 1908 г. – С. 1.
17. От Совета Императорского Санкт-Петербургского Университета // Речь. – 7(20) октября 1908 г. С. 3.
18. Ответ Совета министров // Речь. – 5(18) октября 1908 г. – С. 5.
19. Побоище на сходке в Университете // Петербургская газета. – 3 октября 1908 г. – С. 3.
20. Правительственный вестник. – 25 сентября (8 октября) 1908. – С. 1.
21. Приостановление занятий // Речь. – 3(16) октября 1908 г. – С. 3.
22. Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1907 г. – СПб., 1908.
23. Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1908 г. – СПб., 1909.
24. Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского Университета за 1911 г. – СПб., 1912.
25. Россов С. Правым студентам-петербуржцам // Русское знамя. – 15 ноября 1907 г. С. 3.
26. Совет министров предложил профессорам продолжить чтение лекций // Петербургская газета. – 25 сентября 1908 г. – С. 4.
27. Студент Георгий Шенкен. Императорский университет для революции // Русское знамя. – 20 сентября 1907 г. – С. 3.
28. Студент. Из-за чего бастовали? // Колокол. – 17 октября 1908 г. – С. 3.
29. Студент-«союзник» С. Ответ газете «Речь» // Русское знамя. – 30 января 1908 г. – С. 3.
30. Студенческие письма // Колокол. – 30 сентября 1908 г. – С. 3.
31. Университетские дела // Колокол. – 28 сентября 1908 г. – С. 3.
32. ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 3, д. 43890 (дело студента Императорского Санкт-Петербургского Университета Георгия Николаевича Шенкена, 1905 г.)
33. Шенкен Г. К сведению гг. студентов // Русское знамя. – 30 сентября 1908 г. – С. 1
34. Яковлев В.П. Самодержавие и российские университеты в годы реакции (1907–1911) // Вестник ЛГУ. – 1972. № 8. – С. 48.